

*Посвящается Ирене и Аллегре,
моим звездочкам.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Ван Гог глазами Ван Гога	9
Основные действующие лица	17
Проклятие имени Винсент	29
Этап первый. Боринаж. Творческое становление	38
Этап второй. Гаага. Сердце и кисть	55
Этап третий. Нюэнен. Внутри картины	77
Этап четвертый. Антверпен. Первый шедевр	91
Этап пятый. Париж, дорогой мой Париж!	107
Этап шестой. Арль. Японская мечта	132
Этап седьмой. Сен-Реми-де-Прованс. Внешнее спокойствие	179
Этап восьмой. Овер-сюр-Уаз. Что мне еще остается?	200
Этап последний. Разгадка	221
Список цитируемых произведений	235
Благодарности	251

ВВЕДЕНИЕ

**ВАН ГОГ ГЛАЗАМИ
ВАН ГОГА**

Если вам интересен образ Ван Гога, свободный от стереотипов, то эта книга для вас. Если вы воспринимаете произведение искусства не просто как жест импровизации, плод неожиданного и случайного озарения, но как результат упорной борьбы, то вы — идеальный ее читатель. Если клише «гения-безумца» всегда вызывало у вас недоверие — я с удовольствием приглашаю вас пускаться со мной в увлекательное путешествие.

Перед вами не первое и, разумеется, не последнее исследование творчества великого постимпрессиониста. Уникальность данной книги в том, что в ней Ван Гог показан глазами Винсента Виллема Ван Гога. И это вовсе не игра слов: Винсент Ван Гог-младший рассказывает о своем дяде Винсенте Ван Гоге. Единственного племянника, с которым художник был знаком, назвали в честь дяди. В середине прошлого века этот наблюдательный человек любезно предоставил в наше распоряжение дневник, где подробно описал карьеру, творческие искания и муки своего великого родственника, причем в сугубо личном и даже неоднозначном ключе.

Именно на его свидетельствах основана наша книга, она повторяет основные этапы путешествия, которое Винсент-младший совершил в 1949 г. по местам творчества дяди. Племянник отправляется в Брабант, Бель-

гию, затем в Париж и Прованс, чтобы своими глазами увидеть то, что осталось от пейзажей, запечатленных на картинах мастера. Он решает пропустить ранние годы Ван Гога — его робкие поиски себя в занятиях религией и торговле картинами — и сосредоточиться на позднем периоде жизни, когда в груди художника уже пылает огонь живописи. Вместе с племянником мы проследим путь Ван Гога начиная с 80-х гг. XIX в.

Племянник лаконичен в своем повествовании, при этом он много размышляет, задает вопросы тем немногочисленным знакомым Ван Гога, которых застал в живых, описывает свои наблюдения. Главным образом он ищет ответ на мучительный вопрос, над которым уже не одно десятилетие ломают голову исследователи и поклонники творчества великого голландца.

Как это возможно, что художник, чьи картины продаются сегодня по рекордным ценам, при жизни не мог найти им покупателей — ценителей, коллекционеров?

Почему в конце XIX в., в эпоху великих революций в живописи, начало которой ознаменовал собой импрессионизм, новаторство Ван Гога не вызвало интереса, почему он остался незамеченным во Франции — самой прогрессивной стране Европы?

Загадка!

Еще более странно, что брат художника — Тео, один из крупнейших торговцев картинами в Париже, — не смог найти его полотнам соответствующую нишу на рынке живописи.

Вопреки распространенному мнению Винсент отнюдь не вел жизнь отверженного художника, который изолируется от общества в тишине собственной студии или одиноко бродит по пшеничным полям и зеленым лесам. Он не прячет от других свои картины. Его не счита-

ют изгоем, как, к примеру, Антонио Лигабуэ. Напротив, жизнь Ван Гога протекает в активном взаимодействии с окружающими, в обмене мнениями и сотрудничестве с коллегами: художник убежден, что искусство — это коллективный процесс, он даже мечтает основать содружество художников с центром в Арле. Ван Гог выстраивает доброжелательные отношения не только с коллегами, но и с продавцами красок, которые регулярно предоставляют ему кредиты.

В целом Ван Гога можно назвать общительным и даже веселым человеком, исключения составляют лишь последние два года его жизни, отмеченные частыми нервными срывами. Он был абсолютным экстравертом, эксцентричным и не лишенным чувства юмора. Остроумным собеседником, способным затрагивать самые разные темы и поддерживать контакты. Однако никто не хотел вкладывать деньги в его работы.

Ученые никогда не уделяли достаточно внимания этому факту, считая его неизбежным и очевидным доказательством того, что Ван Гог опережал свою эпоху и потому публике потребовались десятилетия, чтобы по достоинству оценить его работы.

Финансовый неуспех Ван Гога породил миф о непризнанном гении, что во многом сыграло роль в его посмертном величии. Если бы при жизни он продавался так же хорошо, как Моне и Гоген, то сегодня он не превзошел бы их ни в плане известности, ни в плане гонораров.

* * *

По иронии судьбы рынок произведений искусства, так долго обходивший вниманием Ван Гога, в последние тридцать лет вдруг взорвался, словно пороховая

бочка: картины художника превратились в предмет невиданных ранее спекуляций, международные аукционы буквально опьянели от сказочных денежных сумм. 30 марта 1987 г. «Подсолнухи» превзошли рекорды торгов: ранее самым дорогим произведением считалась картина «Поклонение волхвов» Андреа Мантенья, проданная за восемь с лишним миллионов фунтов стерлингов в 1985 г. Работа Ван Гога ушла за двадцать четыре миллиона фунтов стерлингов, при том что исходное предложение составляло пять миллионов! За какие-то двадцать минут сумма увеличилась в пять раз, предложения сыпались одно за другим, тысячи зрителей со всего Лондона следили за торгами, затаив дыхание. Впервые произведение современного искусства превзошло в цене классическую картину, да еще с таким колоссальным отрывом!

Это была настоящая и долгожданная победа Ван Гога спустя сто тридцать четыре года после его рождения.

Прошло несколько месяцев, и художник установил новый рекорд: «*Портрет почтальона Джозефа Рулена*» был продан за пятьдесят восемь миллионов долларов. Далее пришел черед «*Ирисов*» — пятьдесят четыре миллиона, тогда как «*Портрет доктора Гаше*» купил японский магнат за восемьдесят два с половиной миллиона. Весь мир охватила лихорадка Ван Гога, его полотна стали символом статуса для миллиардеров.

Очаровательная хрупкость его образов вызывала ассоциации с психическими отклонениями. В каждой картине прослеживались доля гения и доля безумия, что вдруг стало очевидным для всех.

Даже слишком очевидным.

Почему же никто не демонстрировал столь тонкой интуиции при жизни художника? Почему ментальная

нестабильность не казалась привлекательной, а, наоборот, отталкивала публику?

Что изменилось за эти несколько десятилетий?

Винсент-младший пытается разобраться в этой ситуации. В середине XX в., когда он предпринимает свое путешествие, бум Ван Гога еще не случился, однако уже имеет место определенный интерес со стороны государственных музеев. Постепенно укореняется идея о том, что его дядя стал связующим звеном между двумя эпохами, художником авангарда, который предвосхитил творческие поиски последующих поколений.

Но в таком случае недалекость его современников кажется еще более странной.

Племянник, к счастью, оказался не из тех, кто довольствуется объяснениями, основанными на слухах и чьих-то субъективных оценках, которыми в течение шестидесяти лет питались художественные салоны, газеты и научные статьи: он проявил себя как строгий ученый и требовательный исследователь, привыкший черпать информацию из первоисточника. Винсент-младший анализирует творческий путь дяди, сопоставляет письма, которые тот писал разным членам семьи — кладезь сведений о его личной жизни и идеях, — выстраивает хронологию произведений художника и демонстрирует то, как менялось его мировоззрение. Так в центре внимания оказываются идеи Ван Гога о жизни и искусстве, его литературные предпочтения и духовные искания, мировоззрение, волнения и тревоги, маниакальное стремление к внутренней гармонии и спокойствию, которое является неотъемлемым условием для творчества.

Винсент-младший понимает, что дядя потратил немало времени и здоровья на создание рисунков и холстов,

копировал великих художников, изучал традиционные техники живописи, боролся со скукой и разочарованием оттого, что достойный результат приходит не сразу. Перед тем как начать писать картины одна за другой, Винсент исследовал живопись, как ученик, жадный до знаний и секретов мастерства. Он никогда не импровизировал.

В дневнике племянника корреспонденция Ван Гога, адресованная друзьям и родственникам, переплетается с описанием мест, которые он посещал. Винсент-младший выступает в роли бесценного свидетеля, соединяя рассказ об увиденном с воспоминаниями мамы и бабушки. Он видит свою миссию в том, чтобы придать законченную форму стихийной славе художника, раскрыть загадки его картин, узнав причины и подробности трагических жизненных событий.

Чтобы адекватно оценить качество и смысл картины Ван Гога, необходимо принимать во внимание те обстоятельства, в которых она создавалась. Эмоциональная составляющая здесь играет не меньшую роль, чем технические решения. Встречи, ожидания, разочарования художника врываются, словно поток, в его творения и определяют результат. Это правило работает для любой эпохи, но в данном случае имеет особое значение: без письменных комментариев автора с их элегантным стилем и тонкой чувствительностью сложно понять, как его картины произвели такой фурор во всем мире. Чтобы понять творчество Ван Гога, необходимо прежде всего сосредоточиться на его гиперчувствительности, его реакциях, страхах, кошмарах, которые доставили много мучений, но сделали это самое творчество возможным.

* * *

Винсент-младший исследует лабиринт эмоций художника, но не впадает в крайность, не ставит психоз дяди выше его картин. Он чувствует меру при эмоциональном прочтении полотен Ван Гога, которое не должно затуманивать наше впечатление.

Именно это отличает его рассказ от других текстов, посвященных самой противоречивой фигуре в живописи XIX в.

Винсент-младший считает необоснованным мнение, согласно которому текучие и изгибающиеся линии являются следствием ментальных нарушений Ван Гога: такая точка зрения не только умаляет талант художника, но и обесценивает годы его учебы. Усвоенные законы математики и механики помогают Ван Гогю сохранять определенную дистанцию по отношению к изображаемому, а разочарованно-циничная позиция спасает от риска захлебнуться в собственных эмоциях. Он видит свои картины такими, какие они есть на самом деле: сотни окон, через которые мы можем наблюдать мир и людей, от безымянных крестьян и ткачей до самых близких друзей художника. Его произведения лишь отчасти испытывают эффект психического расстройства Ван Гога — это вполне осмысленные изображения, плод тщательного исследования и доказательство твердого намерения: освоить стиль своего времени, чтобы затем превзойти его.

Ван Гог редко пускается в авантюру, он предпочитает рисовать образы, которые может контролировать вплоть до мелочей.

Я бы хотел создать картины, которые спустя столетие люди будущих поколений воспримут как божественное откровение. Поэтому я не ищу фотографии